

Лилия Подгайская

Трагедия на Голубом озере

Повесть

1

Давным-давно, во времена, которые не упоминаются даже в самых древних из летописей, на берегу Голубого озера жили люди. Было это озеро исключительно красивым, но, увы, и столь же коварным. Его берега с трёх сторон обрамляли густые непроходимые леса, где смешались берёзы и ели. В раннюю осеннюю пору, когда природа одевает всё растущее на земле в золотые солнечные цвета, смотреть на берега озера было особенно отратно — глаз не оторвать. Зимой оно покрывалось по-над берегом кромкой льда, кажущегося крепким и надёжным, но на деле хрупким и ломким. И не один смельчак заплатил жизнью за желание показать свою удаль — озеро проглатывало его в один миг. Середина же озера не замерзала никогда, и в непогоду бурлящие его воды становились чёрными и страшными. Люди говорили, что это гневается хозяин озера — страшное чудище, забирающее к себе людей, чтобы

полакомиться ими. Особенно любило это чудище молодое женское тело, нежное и сладкое, его оно пожирало с особым удовольствием. Потому и взыгрывало непогодой частенько и в летнее время, когда рыбаки выходили на своих лодчонках за уловом, а молодницы спускались к воде, чтобы прополоскать выстиранное бельё.

Люди знали коварный нрав прекрасного на вид озера и потому построили свои дома подальше от берега, на возвышении, где озеро, как бы оно ни ярилось, не могло до них достать. Жители здешних мест, почитали Дажьбога — бога солнца, света и добра, который научил их предков сеять пшеницу и выращивать хлеб. Его изображали в виде солнца с расходящимися лучами и добрым человеческим лицом. И, конечно же, пели хвалебные песни Белобогу, главному богу добра, сотворившему землю, воду и свет, повелителю других богов и защитнику людей от зла. Почитали и Перуна, бога молнии и грома, и Велеса, бога, давшего людям умение приручать животных, покровителя домашней скотины и пастухов, а ещё и музыкантов. И очень любили юную богиню Ладу. В её честь устраивали праздник весны, и девушки, надев на головы венки из свежих полевых цветов, плавно водили хоровод по лугу, завораживая глаз неожиданными поворотами живой змейки.

Поселение, название которого не сохранилось

даже в легендах, широко и привольно раскинулось над озером. Избы были крепкими и надёжными, а в центре поселения высился княжий терем, срубленный на славу умелыми руками. Жил в том тереме молодой князь Ярик со своей матушкой Имкой, мечтающей о великой славе и богатстве для своего сына. Того мира и достатка, что был в племени её мужа, князя Яра, ей было мало. Её ненасытная натура просила большего, гораздо большего. И она было очень довольна тем, что удалось сосватать за сына богатую наследницу, княжну из соседнего племени, единственную дочь своего отца. «Вот славно будет, — размышляла она, — князь Юр далеко не молод, ему немного уже остаётся, а после его смерти все земли соседнего племени достанутся нам. Только бы успеть сыграть свадьбу!». Но приходилось ждать, поскольку князь Юр, любящий свою дочь, никак не соглашался отдать её жениху, пока девочка не войдёт в полную женскую силу.

А молодой князь Ярик знать не знал о планах, вынашиваемых его матерью. Она сумела склонить к такому решению мужа, но сына они поставить в известность не успели. Князь Яр умер внезапно, столкнувшись на охоте со злым медведем-шатуном, раньше времени поднятом из берлоги. Когда тело князя сумели освободить из-под туши убитого воинами его дружины медведя, тот был уже мёртв.

Молодому князю Ярику, принявшему власть в племени, было на тот час восемнадцать лет.

С тех пор прошло два года, и молодой князь сумел показать себя достойным преемником своего отца. Он был разумен, правил справедливо, всегда прислушиваясь к советам старейшин племени и мудрого старшего волхва с капища Даждьбога. Люди любили его и охотно подчинялись его воле. А он всегда проявлял заботу о тех, кто в ней нуждался.

И был молодой князь Ярик счастлив, поскольку всей душой любил красавицу Ладину, и она отвечала ему взаимностью. Ладина была простой девушкой, дочерью дровосека, изба которого стояла под самым лесом. Но красота её сияла так ярко, что ни одной княжне было не затмить её. Не помогали никакие дорогие уборы и искусно сработанные украшения. В своей простой, скромно вышитой собственными руками рубахе девушка сразу притягивала к себе все взгляды, где бы ни появлялась.

О любви князя Ярика и красавицы Ладины знали все в поселении и смотрели на это добрыми глазами. Когда их видели рядом на улице, оторвать взгляд от этой пары было невозможно. Он высокий, крепкий, светловолосый и голубоглазый. Она стройная как молодая берёзка, с длинными до колен тёмными косами, чёрными бровями врзлёт на

белом лице и отливающими по временам серебром тёмными глазами. Но главное — от них как будто исходило сияние. Люди вокруг улыбались, радуясь силе их любви. И подрастал у князя с Ладиной сынок Лад. Мальчонке сравнялось уже два годика, и был он лицом и крепеньким тельцем весь в отца, только глаза имел материнские, меняющие цвет от тёмного до серебристого.

Одна лишь княгиня-мать Имка исходила злобой, слыша хвалебные речи в адрес Ладины и её любви к молодому князю. Она, да ещё две её приспешницы, прибывшие с ней много лет назад из далёких земель. Князь Яр в своё время взял жену по мотивам, далёким от личной симпатии, — ему нужно было укрепить положение своего племени. Но жили они с княгиней, тем не менее, можно сказать, хорошо. Любви между ними не было никогда, но они её и не жаждали. Обоих устраивала спокойная жизнь без бурных проявлений чувств, и каждый занимался своим делом — князь заправлял жизнью всего племени, княгиня властвовала в тереме и на его подворье.

Но теперь покой ушёл из души княгини-матери, а обе её приспешницы, брызжа слюной, громко возмущались бесстыдным поведением Ладины, не скрывающей от людей ни своей любви, ни своего сына. А время, между тем, шло, и богатая наследница Юрана вот-вот войдёт с

брачный возраст. Пораскинув умом так и этак, княгиня Имка принялась за формирование общественного мнения, как сказали бы сейчас. Она встретила один на один со многими старейшинами, отнесла богатые пожертвования на капище Дажьбога и всех убеждала в том, какие выгоды принесёт всему племени брак молодого князя с княжной Юраной. Когда же ей напоминали о любви её сына и существовании маленького внука, она только сладенько улыбалась.

— Пусть любятя, — говорила, — и внук мне в радость. Только красавице этой никогда не стать княгиней, а сыночку её княжичем. А княгиня, настоящая, законная, нужна. Да ещё такая, что богатое приданое принесёт, да ещё и земли соседние со временем.

Брошенные её щедрой рукой семена корыстолюбия дали всходы во многих сердцах. И даже старый волхв, желающий князю добра, не нашёл слов для возражения. Он-то ведь и смолоду не знал, что такое любовь, а старейшины, если и знали, то уже позабыли за давностью времени. И в общественном мнении возобладали мысли сугубо прагматические. О чувствах и личном счастье молодого князя никто уже и не думал.

Когда прибыли посланцы из соседнего племени, привезшие известие, что княжна Юрана вошла уже в возраст, и князь Юр ждёт самого

жениха с вено, среди людей, вершащих судьбу племени, поднялось волнение. Объявили сбор старейшин на большой совет, куда, разумеется, должен был прибыть и князь, — ни один совет никогда не проходил без него.

Молодой князь вошёл в большую избу совета, сверкая голубыми глазами — он только что вволю наигрался с маленьким сыном, и сердце его было полно любви и нежности.

— Какие срочные дела, мне неведомые, заставили вас объявить большой сбор, старейшины? — спросил он.

И побледнел, и сразу угас, услышав ответ. Ему объяснили всё как есть и про давний сговор, и про великие выгоды этого брака.

— Только счастье моё никого из вас не интересуется, как я вижу, — с горечью бросил он.

— А тебя, князь, никто и не думает счастья лишать, — растолковал ему самый старый из старейшин. — По нашим законам князь имеет право содержать, помимо своей княгини, ещё и наложниц, столько, сколько требует его мужская сила. Будешь миловаться, как и раньше, со своей любушкой, сколько хочешь, но и княгиню на ложе посещать обязан будешь. Но ты молодой, сильный, тебя и на трёх баб хватит.

И он усмехнулся.

Чёрная тяжесть легла на сердце князя, но он вынужден был сделать то, что принесёт выгоду и пользу его племени.

Покинув избу старейшин, князь, мрачный как туча, отправился снова к домику дровосека. Ладина удивилась сначала, увидев его, но взглянув в лицо любимого, поняла, что в их жизнь пришла беда. А когда князь Ярик поведал ей всё, чего требуют от него интересы племени, сердце её и вовсе упало.

— Я всегда знала, любимый мой, что такое огромное счастье, как у нас с тобой, не может длиться долго, — печально сказала она. — И вот, час разлуки настал.

Глаза её наполнились болью, а князь вскинулся:

— Зачем нам расставаться, лада моя, мы можем и дальше быть вместе.

— Нет, — твёрдо проговорила Ладина, — я любила тебя свободного, но не смогу любить женатого. И наложницей твоей не стану никогда.

— Разлюбишь? — горько спросил князь.

— Этого я не смогу до конца дней своих, не в моих это силах, — слова лились из неё с такой болью, что сердце князя сжалось. — Но как только привезёшь невесту, к себе больше не подпущу. Не хочу позора себе и сыну.

— Но эта ночь ещё наша, — с надеждой проговорил князь, глядя в любимые глаза, ставшие совсем тёмными, как Голубое озеро перед грозой.